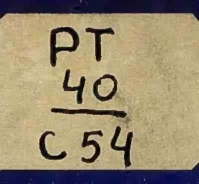

А. И. Соболевскій.

РАЗБОРЪ
СЛОВАРЯ ОЛОНЕЦКАГО НАРѢЧІЯ
Г. КУЛИКОВСКАГО.

Отдѣльный оттискъ изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1901 г.

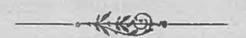

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

А. И. Соболевскій.

РАЗБОРЪ
СЛОВАРЯ ОЛОНЕЦКАГО НАРѢЧІЯ
Г. КУЛИКОВСКАГО.

Отдѣльный оттискъ изъ Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 года. Непремѣнный Секретарь Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ **Германъ Куликовскій**. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898 г.

Дополненіе къ «Словарю областного Олонецкаго нарѣчія». М. 1899. (Изъ XL—XLI кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

Рецензія академика А. И. Соболевскаго.

Мы все еще бѣдны свѣдѣніями о русскихъ народныхъ говорахъ вообще и о словарныхъ особенностяхъ этихъ говоровъ въ частности. Правда, записано уже значительное количество народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п.; появился въ печати рядъ небольшихъ сборничковъ областныхъ словъ; беллетристы, съ А. Ѳ. Писемскимъ и графомъ Л. Н. Толстымъ во главѣ, не разъ воспользовались областными словами и выраженіями. Тѣмъ не менѣе составленный слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ словарь В. И. Даля остается почти единственнымъ трудомъ, гдѣ можно получить объ областныхъ словахъ нужныя справки и указанія [1]).

---

1) Мы имѣемъ еще небольшой словарь архангельскаго говора, составленный г. Подвысоцкимъ. Сверхъ того, недавно вышли въ свѣтъ словари колымскаго говора г. Богораза и кашинскаго говора г. Смирнова.

Въ виду этого трудъ г. Куликовскаго заслуживаетъ вниманія. Въ немъ собрано относительно большое число словъ Олонецкаго края, по преимуществу записанныхъ имъ лично на мѣстѣ, отчасти заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ; означено (не всегда впрочемъ) ихъ удареніе; указано ихъ значеніе; приведены (часто) тѣ выраженія, въ которыхъ ему привелось ихъ услышать. Если мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что онъ составленъ въ мѣстахъ сожительства племенъ русскаго и финскаго и посвященъ словарному матеріалу говора особенно богатаго финнизмами, то его научная цѣнность будетъ для насъ достаточно ясна.

Къ сожалѣнію, словарь г. Куликовскаго имѣетъ *крупные* недостатки.

Прежде всего это — не словарь, а лишь матеріалы для словаря.

Г. Куликовскій, какъ мы сказали выше, воспользовался печатными источниками; они у него перечислены послѣ предисловія. Но далеко не всѣми и далеко не полно. Между прочимъ ему остались неизвѣстны «Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерніи», Ѳ. Студитскаго, Спб. 1841 (здѣсь пѣсни первой губерніи занимаютъ первую часть книжки, пѣсни второй — вторую); «Описаніе Олонецкой губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ», В. А. Дашкова, Спб. 1842; «Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями», О. Х. Агреневой-Славянской, I — III, М. 1887, Тверь 1887, 1889; «Олонецкій Сборникъ», двѣ книги, и кое-что малозначительное; не вполнѣ извлеченъ матеріалъ изъ «Пѣсенъ» П. Н. Рыбникова и, между прочимъ, изъ IV части этого сборника, гдѣ помѣщенъ списокъ олонецкихъ словъ. Въ виду этого мы безъ всякаго усилія собрали рядъ олонецкихъ словъ, отсутствующихъ у г. Куликовскаго. Вотъ они.

бездиля ничего не дѣлающій, Р. 276;
болтарь олтарь, Сл. II, 7;

ватруга ватрушка, Сл. II, 40;
вичина нитка изъ древеснаго корня, О. 66;
гогарникъ трава, Р.294;
горница помѣщеніе для шкипера на суднѣ, О. 62;
городки срубъ для постройки судна, О. 59;
грязникъ мѣсто на дорогѣ, гдѣ всегда вода, Р. 294;
гуккаръ названіе судна, О. 64;
елевый еловый, О. 60;
жукóвина перстень, Сл. II, 111;
забавить промѣшкать, Р. 283;
залогъ вещь, которую дѣвушка даетъ парню въ знакъ согласія выйти за него замужъ, Сл. I, 5;
зáлозно залогъ, знакъ, Сл. II, 117;
залѣзть найти, Р. 285;
занестужь толстая дѣвка, Р. 281;
заноса сугробъ, Ст. 63;
знамя родимое пятно, Р. 286;
издаваться удаваться, Р. 284;
изнедобиться обезсилѣть, Р. 284;
кожанъ верхнее платье изъ кожи, Р. 291;
колнуться чокнуться (рюмками), Сл. II, 77;
косякъ табунъ, Р. 292;
кошевое угощеніе, Сл. II, 40;
крохать починивать, Р. 282;
ледянка перекладина на бревнахъ для спуска вновь построеннаго судна на воду, О. 60;
лучить добывать (птицу и т. п.), Р. 283;
мизгирь паукъ, Р. 290;
мотуха связка (баранокъ и т. п.), Сл. II, 117;
наволокище Р. 290;
надій надежный человѣкъ, Р. 292;
объинѣть объиндевѣть, Ст. 34;

оставежь, Р. 280;
отодраться отдѣлиться, Р. 284;

парманъ оводъ, Р. 280;
певчатый (= пельчатый?) обшитый (рукавъ), Ст. 65;
пика большой ножъ для рубки мяса, сахара, Сл. II, 49;
плакса плачущіе (собират.), Р. 291;
побойникъ повойникъ, Сл. II, 109;
полубарокъ небольшое судно, О. 60;
полулодокъ небольшая лодка, О. 61;
поносить тошнить, Р. 285;
правоплечникъ помощникъ, Сл. II, 8;
проступать пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгу, Р. 282;
пружить, опружить опрокинуть (сани), Р. 283;
пясть, пинать, Р. 281;

разбракаться разболтаться, Р. 284;
распастаться распоясаться, Р. 284;
росказъ старшій сватъ, Сл. II, 24;
рьянóй сердитый, Сл. I, 5;
ряса мокрота, Р. 291;

саянъ платье, Р. 291;
сельбище мѣсто, гдѣ было селеніе, Р. 290;
скіюшка стряпуха, Сл. II, 16;
скупъ (взять) взятка, Сл. II, 15;
сколнуть сколотить, Р. 285;
собить нѣжить, Р. 288;
собиться быть не (?) по себѣ, Р. 284;
содержатай, Р. 287;
спень сонъ, Р. 287;
спѣть приготовля́ть, Р. 283;
страховитый страшный, Сл. II, 15;
стреканье осужденіе, Сл. II, 52;
ступить достать, Р. 283;

тарасы полати, Ст. 65;

ташка пташка, Р. 279;
торить торопить (коня), Р. 283;
трынкать рвать въ клочья, Р. 282;
тухлый глухой (громъ), Р. 286;

углаждаться услаждаться, Сл. II, 48;

хломнуть хлопнуть, Сл. II, 12;

чагать доставать, Р. 282;
чанжунъ говорунъ, Р. 291;
чарома чара, Сл. II, 33;
чета причетники, Р. 289;
шигайдунъ неповоротливый, Р. 291 [1]).

Въ виду неполноты, словарь г. Куликовскаго мало помогаетъ при чтенiи текстовъ Рыбникова и Гильфердинга.

Второй недостатокъ труда г. Куликовскаго — неточность въ передачѣ звуковъ.

Мы укоряемъ г. Куликовскаго совсѣмъ не за то, что его записи не передаютъ въ точности звуковъ олонецкаго говора. Можно, по нашему мнѣнiю, не обременять читателя разнообразными значками и т. п. и тѣмъ не менѣе давать все, что ему нужно. Нашъ *укоръ относится къ орѳографiи*. Г. Куликовскiй не можетъ устоять противъ орѳографическихъ привычекъ и даетъ *а* тамъ, гдѣ въ олонецкомъ говорѣ слышится *о*, *е* тамъ, гдѣ бы надо написать *ё*, *с* тамъ, гдѣ слышится *з* и т. п. Мы читаемъ: работа, развиться, раздобрѣть, разживить, размужевать, разрѣкъ и т. д., вмѣсто робота, роз- (сравни розбродить, роздуться, розсоха и т. п.); бре́уна, же́лтый, же́ноцька, креще́ный, мате́рый, Семе́нъ и т. п., вмѣсто брёуна, жо́лтой, жо́ночка, крещо́ной, матёрой, Семёнъ; сгово́рной, сгодьё, сдери́ха и т. п., вмѣсто згово́рной, згóдьё, здериха. Въ случаяхъ въ родѣ приведенныхъ свѣдущiй человѣкъ безъ труда можетъ разобраться; но какъ быть въ другихъ, гдѣ теоретическiя познанiя не помогаютъ?

1) О.=Олонецкiй Сборникъ, т. II, Р.=Рыбниковъ, ч. IV; Сл.=Славянская; Ст.=Студитскiй

Вотъ хотя бы слово г*а*г*а́*ра. Г. Куликовскій (какъ и г. Подвысоцкій, Даль) пишетъ его съ *а*; но мы его слышали съ *о*; сравни 1) г*о́*голь, 2) гог*а́*рникъ (у г. Куликовскаго). Или слово б*а*рахл*о́*. Г. Куликовскій (опять вмѣстѣ съ г. Подвысоцкимъ и Далемъ) пишетъ два *а*; но слово б*о́*рошень, судя по звукамъ и значенію родственное съ этимъ словомъ, заставляетъ сомнѣваться въ этихъ *а*. Или слово с*а*лам*а́*та. Такъ у г. Куликовскаго. Даль даетъ и с*а*л*а*мата и с*о*л*о*мата (первое, очевидно, для акающихъ, второе для окающихъ говоровъ). То же можно сказать объ *а*л*а*л*ы́*кать (сравни у Даля *а*л*а*лыкать и *о*л*о*лыкать, съ однимъ значеніемъ), объ *а*з*я́*мъ (сравни у Даля *а*зямъ и *о*зямъ), объ *а́*р*а*ндать (сравни въ «Новгородскомъ Сборникѣ», томъ I, стр. 293: ар*о*ндаю громко говорю), объ барб*а*ш*и́*ть (сравни бараб*о́*шить), объ бахт*о*рм*а́* (сравни въ статьѣ Б. Яновскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1855 года, томъ 130, стр. 62: бахт*а*рма—нижняя часть у гнилыхъ грибовъ). А что значатъ *а* и *о* рядомъ въ б*а*ж*а́*тка и б*о*ж*а́*тка крестная мать (какъ у Даля; у Подвысоцкаго только б*о*жатка), бр*а*зга и бр*о*зга, в*а*ровой и в*о*ровой, к*а*з*ю́*ля и к*о*з*у́*ля, м*а*р*а*ков*а́*ть и м*о*р*о*ков*а́*ть, м*а*товусъ и м*о*тоусъ, моторъ и мот*а*ръ и т. п.?

Объ *ё* при удареніи и особенно безъ ударенія, гдѣ русскіе говоры даютъ разнообразный матеріалъ, нечего и говорить. Трудно даже догадываться, какъ надо читать слово домов*и́*щ*е*, съ *е* на концѣ, или съ *о* (сравни запертищ*о* и т. п.).

Буква *ѣ* дѣлаетъ свое дѣло. Г. Куликовскій ставитъ ее въ большомъ количествѣ случаевъ, и согласно съ орѳографіей, и независимо отъ этой послѣдней. Поясненій у него нѣтъ нигдѣ, и приходится недоумѣвать, чт*о́* значитъ *ѣ* въ бол*ѣ*могя (взято у Е. В. Барсова), б*ѣ*жъ, в*ѣ*тляный и т. п. Какъ будто *ѣ* здѣсь поставленъ только по этимологическимъ соображеніямъ.

Окончаніе им. ед. муж. рода именъ прилагательныхъ *-ый*, рядомъ съ которымъ изрѣдка встрѣчается и *-ой* (безъ ударенія), также наводитъ на сомнѣнія.

Третій недостатокъ, уже не особенно важный, — смѣшеніе

фонетическихъ и морфологическихъ особенностей со словарными.

Г. Куликовскій не нашелъ возможнымъ или нужнымъ сообщить свѣдѣнія вообще объ говорѣ (точнѣе: говорахъ) Олонецкаго края; отсюда въ его трудѣ длинный рядъ такихъ словъ, которыхъ не слѣдовало бы помѣщать въ словарѣ, и такихъ, которыя лучше бы помѣстить въ болѣе обычной звуковой окраскѣ, въ соотвѣтствіе другимъ словамъ словаря. Таковы: гор*ц*юха, дро*ц*ить, жено*ц*ька, ни*ц*ёвушка и т. п., др*е*бь, *е́*стребъ, оп*е́*ть, гоношитц*е* и т. п.; бр*е́у*на (*у* = ў ?), бы́*у* (= былъ), верё*у*ка, ку́ко*у*ка, л*а́у*ка и т. п.; бот*о́*ла и б*у*т*о́*ла и т. п.; веретно́, ви́дла (= веретено, вид*ѣ*ла) и т. п.; по весн*ы́*, ведё, возьмё (3 л. ед. ч.) и т. п.

Мѣстные знатоки олонецкаго нарѣчія, вѣроятно, указали бы еще на не всегда вѣрное опредѣленіе значенія словъ. Мы можемъ привести лишь два примѣра, гдѣ г. Куликовскій расходится съ другими, и гдѣ точность не на сторонѣ г. Куликовскаго. По г. Куликовскому, *боковушка* — «комната, устроенная въ кладовой деревенскаго дома»; по Б. Яновскому, это слово означаетъ небольшую, отдѣльную отъ избы горницу, гдѣ промышленники складываютъ свою добычу («Библіотека для Чтенія» 1855 года, томъ 131, стр. 183). — Г. Куликовскій опредѣляетъ *пинда* такимъ образомъ: «нѣжный слой древесины, преимущественно сосновыхъ деревьевъ, лежащій непосредственно подъ корою», «сгнившая древесина каждаго дерева»; по «Новгородскому Сборнику», это слово значитъ: рѣдкослойность лѣса (томъ I, стр. 203). Сверхъ того, позволительно усомниться, чтобы *бита́*, *битка* обозначало «стальную плитку для игры въ бабки», а не бабку налитую свинцомъ; чтобы *жонка* значило только «жена», а не «женщина» вообще; чтобы *мнѣ лихо* значило: «не хочется», а не «мнѣ дурно, тяжело» (сравни тобольск. *лихо* — тошнитъ («Живая Старина» 1899 года, вып. IV, стр. 498).

Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершен-

ства; чувствуется недостаточность необходимой научной подготовки у автора. Тѣмъ не менѣе онъ расширяетъ наши свѣдѣнія о русскихъ народныхъ говорахъ и можетъ быть полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Въ виду этого, онъ заслуживаетъ поощренія.

